

М.Вахтель

Научный проект: в поисках подлинного «Диониса» (о неосуществленной немецкой книге Вяч.Иванова по неизвестным материалам)

В последнее время исследователи русского символизма все чаще обращаются к трактату Вяч.Иванова «Дионис и прадионисийство» (ДиП). Это не удивительно: он представляет собой не только детальный анализ основополагающего для европейского модернизма мифа, но и итоговое произведение замечательного знатока античной религии. При этом обнаруживается, что «ученый» труд, много лет пугающий читателей ссылками на иноязычные тексты и обилием греческих цитат, имеет прямое отношение к художественному миру русского поэта и его поэтического поколения.

Первым проявлением возросшего интереса к этому произведению была републикация Н.В.Брагинской главы из ДиП о трагедии, сопровождаемая пространным критическим (подчас резко отрицательным) разбором¹. Спустя несколько месяцев в «Литературных памятниках» вышли ивановские переводы Эсхила (издание были включены четыре главы из ДиП²). В 1994 г. издательство «Алетейя» выпустило переиздание полного текста ДиП, сделавшее забытую книгу, несмотря на некоторые упущения и ошибки, доступной широкой публике³. (В 2000 г., когда раскупался тираж, издательство выпустило его вторично.) Тот факт, что в течение двенадцати лет было предпринято столько, пусть не полных или не свободных от изъянов, перепечаток старой книги, свидетельствует о том, что она вызвала несомненный интерес не только у специалистов по символизму.

На протяжении последних нескольких лет мы с коллегой готовим к публикации немецкую версию ДиП, над которой Иванов работал больше десятилетия. Данная статья ставит своей целью ознакомить читателя с историей этого почти неизвестного проекта, восстанавливаемого на основе документов, хранящихся в римском архиве Иванова (РАИ). В полном составе эти материалы будут приведены в приложении к немецкому изданию. Здесь же ограничимся кратким обзором, позволяющим осветить самые существенные для русского читателя вопросы: каким оказался немецкий «Дионис», до какой степени завершенным является его текст, чем он отличается от русского оригинала и как может пригодиться читателю, уже знакомому с бакинским изданием?

Представляется уместным напомнить о ранних дионисийских штудиях Иванова. Как известно, ДиП появился в результате

Евстратий Печерский. Из Киево-Печерского патерика, изданного в Киеве в 1661 г.

вал сам Иванов, «в 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров... я отправился в Париж с томиком Ницше, о котором начинали говорить»⁵. Серьезное изучение Диониса, однако, начато было им только спустя десять лет, когда Иванов в 1901–1902 гг. обосновался в Афинах, погрузившись в специальную литературу и посещая семинары и лекции корифеев науки в Германском археологическом институте⁶. Продолжалось оно (правда, со значительными перерывами)

Евстратий Печерский. Из Киево-Печерского патерика, изданного в Киеве в 1661 г.

вплоть до Бакинского периода. В 1921 г. семь глав были приняты в виде диссертации (напомним, что берлинская диссертация защищена не была, и поэтому автор оставался без научной степени). Окончательный текст книги, состоящий из двенадцати глав, был опубликован в Баку в 1923 г. Таким образом, наиболее интенсивная работа над ДиП приходится на самые первые годы века («Религия страдающего бога» вышла в свет в журналах в 1904 и 1905 гг.) и после 1912 г.⁷

Судя по кропотливому изучению первоисточников и объему использованной научной литературы (включая материалы, находившиеся лишь в крупнейших библиотеках мира), первоначальный вариант всей книги был закончен перед отъездом в Баку. Однако, по собственному утверждению автора, там книга подверглась решительной переделке. В письме к В.Я.Брюсову от 18 июля 1922 г. Иванов сообщал: «Медленно печатаю книгу, перерабатываю заново прежние, никогда не видевшие света тетради. Вследствие изменения даже самой основной концепции это вполне новая работа. Заглавие: “Дионис и прадиионисийство”»⁸. Иванов, несомненно, придавал большое значение этой своей работе и сразу по приезде в Италию в 1924 г. стал думать об издании ее в Европе. В письме к Федору Степуну от

длительных исканий. Еще во время учебы в Берлинском университете Иванов увлекся профессиональными занятиями античностью, однако тема Диониса тогда оставалась ему чужда. Он специализировался в области истории Рима и писал свою диссертацию на латинском языке у О.Гиршфельда и Т.Моммзена по теме, интересовавшей их. (Что тема эта для самого Иванова казалась малоинтересной, явствует из недавно опубликованной его переписки с И.М.Гревсом⁴). Увлечение Дионисом возникло у него, по-видимому, после чтения Ницше в начале 1890-х годов. Как рассказы-

22.III.1925 он пишет: «Мечтаю, как и Вы, о Lehrauftrag (incarico), на эмиграцию же отнюдь не ориентируюсь, почему желал бы устроить перевод моей монографии “Дионис и прадионисийство”»⁹. Работа над французским переводом ДиП шла полным ходом в 1927 г., и он фигурирует в списке публикаций Иванова в 1930 г., как «готовившийся к печати»¹⁰. Однако перевод этот так и не вышел, очевидно, вследствие бурной политической деятельности переводчика¹¹.

Сам Иванов не переставал жалеть, что его главная работа в области античности осталась недоступной западному читателю, тем более, что из разных источников он слышал о живейшем к ней интересе. Знаменитый философ-неокантианец Ганс Файгингер (Hans Vaihinger) писал ему о том, что с радостью узнал о готовившемся переводе¹². Мартин Бубер, прочитавший пространный отрывок из ДиП, процитированный в немецкой книге Иванова о Ф.М.Достоевском, послал Иванову восторженный отклик в письме от 14.IV.1932 г.: «Выраженный Вами взгляд поразительным образом совпадает — подчас почти дословно — с трактовкой в докладе, который я, не зная Вашего сочинения, в прошлом году прочитал во Франкфуртском университете [...], в котором я весьма решительно возражал против традиционного этиологического объяснения мифа»¹³. И хотя переписка Иванова с Бубером в 1934 г. прервалась, Бубер о ДиП не забывал. В 1938 г. Иванов получил письмо от Ламберта Шнейдера, издателя всех работ Бубера. Сославшись на недавний разговор с Бубером, он попросил разрешения на издание немецкого «Диониса»¹⁴.

Шнейдер, однако, опоздал. Двумя годами раньше к Иванову с такой же просьбой обратился молодой издатель Эдвин Ландау (1905–2001). Ландау в 1931 г. основал собственное издательство, в котором печатал книги о гуманизме в самом широком смысле слова. Будучи поклонником Стефана Георге, он искал вечных ценностей вне его окружающего хаоса немецкой политической жизни. Своим идеалам он оставался верным и при нацистах, выпуская книги, которые не могли не вызвать недовольства властей. В их числе была не только хвалебная работа о еврейских друзьях Стефана Георге, но и единственная критическая книга о нацизме, появившаяся в Германии при Гитлере и изданная притом значительно большим тиражом¹⁵. В 1935 г. нацисты запретили Ландау возглавлять издательство, но он оставался в Германии вплоть до 1938 г. (когда вынужден был бежать) и продолжал свое дело в сотрудничестве со швейцарским издательством Бенно Швабе. В качестве самостоятельного помощника Швабе он вел переговоры с Ивановым относительно издания немецкого «Диониса».

Сам Ландау русского языка не знал, но зато ему были известны немецкие статьи Иванова, опубликованные в элитарном швейцарском журнале «Корона». К тому же он успел проконсультроваться с переводчиком Иванова Н.Н.Бубновым, с редактором

«Короны» Гербертом Штейнером и с Ф.А.Степуном, пропагандировавшим творчество Иванова в Германии¹⁶. После долгих переговоров издатель и автор достигли соглашения и договор в январе 1937 г. был подписан¹⁷. Правда, не все шло по контракту. По первоначальному плану, Иванов должен был составить немецкую книгу из двух своих книг «Религия страдающего бога» и ДиП. Но автору стало казаться, что первая работа слишком уж отличалась от второй и не годилась и в качестве введения («Первая постановка проблемы»)¹⁸. Вместо этого он решил добавить к основному тексту два приложения, уже появившиеся в виде отдельных статей в немецком журнале «Hochland»¹⁹. На первое из них, «О существе трагедии», автор ссылается в десятой главе ДиП, так что его связь с остальной книгой достаточно прозрачна. Но любопытнее второе приложение: это пространная статья «Гуманизм и религия», написанная по поводу последних книг покойного светила в науке об античности Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа²⁰.

Статья до сих пор мало известна даже специалистам, скорее всего, из-за отсутствия русского перевода, но она безусловно является одной из наиболее важных работ позднего периода поэта. В ней он резко критикует Виламовица как религиозного мыслителя и, сопоставляя его с Ницше, делает выбор в пользу последнего. В тексте же ДиП, где (за исключением вступительных слов) Ницше не упомянут, Иванов нередко ссылается на труды Виламовица, то превознося его филологические наблюдения (хотя и не без некоторых придирок даже в этой области), то возражая против его трактовки античной религии. Решение Иванова включить свою статью о Виламовице в немецкую версию ДиП превращает подспудную критику (в бакинской версии) в открытую полемику. Стоит вспомнить, какое место занимал Виламовиц в западной науке того времени, чтобы понять, сколь вызывающим был этот шаг Иванова, представ-

ляющий собою беспрецедентный выпад автора против всемирно признанного авторитета.

Длительному обсуждению с издателем подвергся вопрос о переводчике. Ландау, сумевший по письмам оценить уровень немецкого языка своего корреспондента, уговаривал Иванова самому взяться за перевод, но Иванов настаивал на том, что нужен переводчик, хотя бы для основного текста ДиП. Рассматривались разные кандидатуры, но, в конце концов, остановились на Кэте Розенберг, опытной переводчице (она, между прочим, перевела две книги Степуна) и незаурядной личности, высоко чтимой русскими эмигрантами. Как писал о ней И.С.Шмелев в письме к И.А.Ильину от 29 января 1932 г.: «Käthe Rosenberg [...] Чудесная душа! Умница. Ее двоюр<одная> сестра — жена Том<аса> Манна. У ней б<ольшие> знакомства в литер<атурном> мире... Чуткая душа. Любит русских. (Она когда-то б<ыла> невестой русского, к<оторый> умер от чахотки). Тогда, в память его, она изучила русский язык, много прочитала (классику), а теперь она у S. Fischer'a читает англ<ийскую>, франц<узкую> и рус<скую> литер<атуру> и предлагает для издат<ельств>ва... Кажется, она немецкая еврейка, лютеранка. Знаю, что ее брат был немецким офицером, — следовательно, если и есть от еврейства, так в дальнем»²¹. Разумеется, к еврейскому происхождению Розенберг нацисты относились не столь мягко, как русские эмигранты-антисемиты. Надо полагать, что согласилась она перевести ДиП из-за сложных жизненных обстоятельств. Ведь другой заработок для евреев в Берлине в 1937 г. найти было бы нелегко. (Впрочем, имя переводчицы заботливо умалчивалось в письмах Ландау и единственный раз промелькнуло в письме Бенно Швабе к Иванову, причем после того, как Розенберг удалось покинуть Германию²²). Несмотря на то что переводчица к такому рода тексту не была подготовлена (она выступала в области художественной литературы, а не науки, тем более античности), она с задачей справилась хорошо, и Иванов ее работой был доволен.

И все же добросовестная работа переводчика послужила для русского поэта лишь отправной точкой. Иванов коренным образом изменил подготовленный текст. Подчас от текста переводчицы не оставалось буквально ничего; изменений было столько, что приходилось переписывать целые страницы заново. Что касается примечаний, то переводчица и не стала их переводить, ибо Иванов договорился с издательством, что сам обработает их, беря в учет новейшую западную литературу по предмету. О том, как серьезно он отнесся к этой задаче, свидетельствует тетрадка в римском архиве, где страниц пятьдесят заполнено конспектами на разных языках из научной литературы. Уцелевший библиотечный заказ от 16.X.1937

позволяет предположить, что Иванов собирал материалы в последние месяцы этого года.

Несмотря на добросовестность работы переводчицы, усилия автора и умоляющие, а порой и угрожающие письма издателя (и, в конце концов, швейцарского посольства в Риме)²³, немецкий «Дионис» так и не вышел. По версии семьи Иванова, объяснялось это то вспыхнувшей войной, то смертью издателя²⁴. На самом деле Иванов, получивший с самого начала крупный аванс за эту книгу, не переставал думать о ее издании. В письме к С.Л.Франку от 18 мая — 3 июня 1947 г. он упоминает немецкий перевод «ДиП», присланный ему «на одобрение» издательством Бенно Швабе: «Но перевод требовал тщательной правки, а текст ряда изменений и дополнений, и за эту кропотливую работу я испытываю терпение негодующего издательства уже немало лет»²⁵. Что Иванов продолжал эту

работу до самого конца жизни и рассчитывал на публикацию книги, подтверждается письмом к нему Мориса Баура от 19.IX.1948 г., в котором английский ученый, явно возвращаясь к их недавней беседе, пишет: «Жду с нетерпением появления Вашего *Диониса* и постараюсь найти новую английскую литературу по этой теме»²⁶.

Если в Баку Иванов перерабатывал и переосмыслял старые свои записи, то в Италии его задача была иная. В выдвинутых им положениях и выводах он ныне не сомневался и только искал в новейшей научной литературе уточнений, дополнений и подтверждения. Поэтому основные идеи и структура русской книги не менялись в ходе работы над ее немецким воплощением. Тщательная работа над текстом сохранила все главы и почти все абзацы и оставила их в том же порядке, в каком они следовали в бакинском издании. Добавлений было мало, зато нередко устранены были примеры или были по-новому расставлены акценты. В шести главах (1–3, 9–11) текст переводчицы изменен до неузнаваемости; каждое предложение переделано и отшлифовано. Тут можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с последней волей автора. В других главах авторская правка заметна, но далеко не в такой степени. До восьмой главы и второй половины последней главы автор дойти не успел, и только эти части никакого интереса для русского читателя не представляют²⁷.

Хотя многочисленные выписки и конспекты из научной литературы неопровержимо указывают на то, что Иванов намеревался

в корне переделать и расширить примечания, эту работу он выполнил лишь в очень ограниченной степени. Обновить примечания автор успел только в первой и третьей главах. В своем экземпляре бакинского ДиП, на полях других глав Иванов кое-где прибавлял для себя некоторые новые примечания (то по-русски, то по-немецки), но не всегда ясно к какому именно предложению они относятся²⁸. В большинстве случаев новые примечания представляют собой отсылки к двум основополагающим немецким исследованиям. Первое из них, «Вера эллинов» Виламовица (Т. 1–2. 1931, 1932), было внимательно проштудировано Ивановым в 1933–1934 гг. для статьи «Религия и гуманизм». Название второго, «Дионис — миф и культ» Вальтера Отто (Франкфурт, 1933), также было известно Иванову уже в 1934 г., но не ясно, прочитал ли он его до 1937 г.²⁹. Встает вопрос, почему, завершив примечания к двум главам,

Иванов затем решил оставить остальные до того, как будет готов перевод всего основного текста. Возможно, что в ходе составления комментариев автор понял всю сложность поставленной перед собой задачи. Дело в том, что ему приходилось не только добавлять новые примечания, но и проверять старые. Как свидетельствуют все ивановские письма бакинского времени, в Баку не было самых основных книг, не говоря уже о специальной научной литературе, на которую автор постоянно ссылался³⁰. При подготовке русского ДиП сверить было не с чем. В ходе подготовки предстоящего немецкого издания нам пришлось самим делать эту работу, и неточности мы обнаруживали на каждом шагу. Подчеркнем, что это были не ошибки, а именно неточности: неточное указание на тот или иной том или на ту или иную страницу. Найти правильную ссылку нам, как правило, удавалось, но на это уходило много времени и сил. Даже в благоприятных римских условиях, при наличии богатых библиотек автор не мог не убедиться в том, сколь трудоемкой была его задача.

Выделим еще одну сторону немецкого «Диониса», заслуживающую внимания исследователей. Одна из самых главных (и, пожалуй, наиболее привлекательных) для поэта задач заключалась в передаче греческих стихотворных цитат немецкими стихами. В архиве поэта находятся не только окончательные варианты, но иногда и черновики, содержащие до шести разных вариантов одного и того же отрывка. Как правило, они облечены в форму гекзаметра или элегического дистиха и представляют ценность для специалис-

та с точки зрения искусства перевода.

В комментариях, помещенных в издании «Литературных памятников», Н.В.Котрелев справедливо отмечает, что «предпринимались попытки издать итоговый труд Иванова на иностранных языках, но они не увенчались успехом»³¹. Но перевод переводу рознь. Незавершенный французский перевод был сделан без участия автора и остался в самом фрагментарном виде. Немецкий же перевод созидался при самом активном участии автора, на протяжении многих лет. Это одно из крупнейших замыслов последних лет поэта. Тот факт, что автор проделал работу над большей частью текста и до самой смерти не переставал думать о ее завершении, придает особое значение немецкому «Дионису». Не следует также упускать из виду, что в свой итальянский период Иванов не «ориентировался на эмиграцию», а посвятил много творческих усилий ино-

язычным переложениям своих русских произведений. «Перевод вообще бесконечно труднее оригинального творчества», писал он Э.К.Метнеру в 1932 г.³². Поскольку Иванов был неспособен переводить, а мог только «перевоплощать», каждый его перевод становился новым произведением и жил своей собственной жизнью. Не учитывая этого феномена, мы недооцениваем достижений позднего, зарубежного периода творчества поэта.

¹ См.: Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 237–329.

² *Эсхил*. Трагедии. М., 1989. С. 351–450.

³ *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994 (Серия «Античная библиотека»). О недостатках этого издания см. нашу рецензию в: *Russica Romana*. 2004. XI. P. 292–293.

⁴ См.: *Бонгард-Левин Г.М., Котрелев Н.В., Ляпустина Е.В.* История и поэзия: Переписка И.М.Гревса и Вяч.Иванова. М., 2006. С. 343.

⁵ *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 19.

⁶ В то время первым секретарем института был знаменитый археолог В.Дерпфельд, занимавшийся раскопками в Афинах и в окрестностях. Его влияние на Иванова заслуживает специального исследования. В частности, всю ивановскую теорию театра можно возвести к следующему отрывку из тогдашнего письма поэта: «Между прочим Д<ерпфельд> сказал, что предложил (в “Космополисе”) строить новые театры, по образцу античных, так, чтобы места зрителей окружали значительную часть сцены и последняя уподобилась бы таким образом древней оркестре. Он думает, что эффект изображаемого

на сцене этим значительно усилятся. Теперь сцена, говорит он, подобна картине, а в древности действие совершалось пластически, телесно в самой среде зрителей [...] Все это навело меня на мечты о том будущем, которое все мы, сознательно и бессознательно (особенно бессознательно), предуготовляем?> или творим?>. Это будущее будет религиознее современности. Оно будет знать трагедию. Современный театр отойдет в область архаизмов. Опять раздадутся трагические хоры». Письмо Иванова к Л.Д.Зиновьевой–Аннибал от 24/11.П.1902 (День 72), 8 ½ веч<ера> // РГБ. Ф. 109. Выражаем признательность Д.О.Солодкой за указание на это письмо. Упомянутая в отрывке статья: *Dörpfeld W. Das altgriechische und das moderne Theater* // *Cosmopolis*. 1897. December. S. 887–906.

⁷ «Дионис орфический», девятая глава в ДиП, первоначально опубликована была в «Русской мысли» в 1913 г. как самостоятельная статья.

⁸ Литературное наследие. Т. 85. С. 541. См. также письмо Иванова к И.М.Гревсу от 12 мая 1922 г.: «Очень большая работа была у меня готова; но я принялся за ее полную переработку, которая привела меня к новым и впервые удовлетворяющим меня ответам на поставленные проблемы» (*Бонгард-Левин Г.М., Котфелев Н.В., Ляпустина Е.В.* Указ. соч. С. 273).

⁹ РАИ, готовится к печати А.Б.Шишкиным.

¹⁰ *Ivanov V. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlaß*. Mainz, 1995. S. 259; *Vigile*. 1930. 4. S. 38.

¹¹ Речь идет о социалисте *Andrea Caffi* (1886–1955). См.: *Ivanov V.* Op. cit. S. 44, 46.

¹² *Ivanov V.* Op. cit. S. 259. О центральном месте, которое Файгингер занимал среди философов на Западе, русский читатель мог услышать из помещенного в «Весах» сообщения о втором международном философском конгрессе. «Письмо из Женевы». 1904. № 10. С. 59–62. Автор статьи был Вяч. Иванов.

¹³ Письма из Женевы. С. 40–41.

¹⁴ Письмо от 8.VI.1938 (РАИ).

¹⁵ Книга называлась «Nationalsozialismus vom Ausland gesehen» («Взгляд из-за рубежа на национал-социализм»). С 1933 до 1935 г. разошлось 10 тыс. экземпляров. См.: *Edwin M. Landau und Samuel Schmitt* // *Lager in Frankreich*. Mannheim, 1991. S. 145, а также: *Idem. Landau* // *Verlorene Wege, bleibende Wege*. Paderborn, 1994. S. 40–44.

¹⁶ См. первое письмо Ландау к Иванову (на французском языке!) от 15.V.1936 (РАИ).

¹⁷ Сам контракт, как и многочисленные к книге относящиеся письма, находятся в РАИ. Они позволяют детально реконструировать ход переговоров.

¹⁸ Черновик письма Иванова к Швабе от 15.X.1938 (РАИ).

¹⁹ Письмо Ландау к Иванову от 2.IX.1937 (РАИ).

²⁰ *Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz* // *Hochland*. 1934. 31. № 10. Juli. S. 307–330.

²¹ *Ильин И.А.* Собрание сочинений. Иван Ильин, Иван Шмелев. Переписка двух Иванов. (1927–1934). М., 2000. С. 256–257.

²² Неизвестно, когда Розенберг бежала из Германии, но, по-видимому, не ранее первых месяцев 1939 г. В дневнике Томаса Манна в записи от 31.XII. 1938 упоминается «отчаянное письмо от Кэты Розенберг», впрочем, не сохранившееся (по утверждению архива Томаса Манна в Цюрихе). *Mann T. Tagebücher 1939–1939*. Frankfurt, 1980. S. 339. Иванов (из письма Ландау от 22.V.1939), узнав о том, что Розенберг находится в Англии в стесненных обстоятельствах, написал ей письмо 26 мая (т.е. сразу после получения известия), чтобы помочь ей получить гонорар (Письмо Иванова затеряно, но упоминается в письме к нему Бенно Швабе от 5.VI.1939 [РАИ]).

²³ Последние письма, касающиеся немецкого «Диониса», написаны чиновником швейцарского посольства в Риме Max Troendle в 1942–1943 гг. В письме от 30.IX.1942 он предостерегает Иванова от заключения новых договоров до того, как он выполнит свои обязательства перед швейцарским издателем. После войны Трондле (1905–2004) сделал блестящую карьеру; он был швейцарским послом в разных странах, включая СССР.

²⁴ *Ivanov D.* Dioniso e i culti predionisiaci di Viaceslav Ivanov // Rosanna Casari, Ugo Persi, Gian Piero Piretto (Hrsg.) Dalla forma allo spirito: Scritti in onore di Nina Kauchtschischwili. Milano, 1989. P. 220–221; *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 198–199.

²⁵ *Франк В.С.* Переписка С.Л.Франка с Вяч.Ивановым // Мосты. 1963. 10. С. 363–364.

²⁶ *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov and C.M.Bowra: A Correspondence from Two Corners on Humanism. Birmingham: Birmingham Slavonic Monographs. 2006. № 36. P. 108. В августе 1948 г. Баура посетил Иванов в Риме.

²⁷ Предположение, высказанное Г.М.Бонгард-Левиным, что авторизованный перевод второй части последней главы хранится в Германском археологическом институте в Риме, ошибочно. Этот текст, содержащий ряд элементарных ошибок, явно принадлежит перу какого-то другого переводчика, а слова-вставки, вписанные от руки, не напоминают немецкий почерк ни Иванова, ни его русских помощников (детей, О.А.Шор). Ср.: *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: 'Я пошел к немцам за настоящей наукой' // ВДИ. 2001. № 3. С. 173.

²⁸ Экземпляр находится в РАИ.

²⁹ В неопубликованном письме к Иванову от 31.XII.1933 (РАИ) немецкий писатель Мартин Каубиш называл книгу Отто в списке важных новинок об античности, добавляя, что она является «первой и самой значительной обобщающей трактовкой всего материала в Германии». Трудно поверить, что Иванов ею тогда не заинтересовался.

³⁰ См. например, письмо от 3.VII.1923 к Александре Чеботаревской, в котором Иванов просит нужные книги. *Лавров А.* Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1997. СПб., 2002. С. 282–286. В позднейшем письме к С.Л.Франку Иванов вспоминает хороших студентов и профессоров в Баку, добавляя, «только книг у нас было маловато». «Переписка С.Л.Франка с Вяч.Ивановым», с. 363. Впрочем, и в этом отношении есть неожиданности. При внимательном анализе использованной Ивановым научной литературы обнаруживается, что в бакинском «ДиП» Иванов многократно цитирует книгу немецкого исследователя Пауля Штенгеля по третьему изданию (пагинация в ней отличается от предыдущих изданий), вышедшему в Мюнхене лишь в 1920 г. (*Stengel P.* Die griechischen Kultusaltertümer. München, 1920. Dritte, zum grossen Teil neubearbeitete Auflage.) Это сравнительно редкий для тех лет случай столь быстрого появления зарубежной научной книги в Советском Союзе (тем более на окраинах).

³¹ *Эсхил.* Трагедии. С. 561.

³² *Сатов В. В.* И.Иванов и Э.К.Метнер: Переписка из двух миров // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 310–311.